

Кому память, кому слава, кому темная вода

Общая
газ. - 2000.
24 февр. -
с. 2.

*Лакшинские чтения совпали
с 30-летием разгрома «Нового мира»*

НА ПЯТЫЕ «Лакшинские чтения» в ЦДРИ собралось людей больше, чем можно было предположить. Есть лица молодые, внимательные – должно быть, студенты и аспиранты-филологи. Но пока еще немало и тех, кто лично знал Владимира Яковлевича, кто помнит его не только по историко-литературным книгам, но и по статьям в «Новом мире» – всегда ярким, написанным отменным русским языком, а главное, чрезвычайно своевременным. Не случись его встречи с «Новым миром» – благодаря таланту и редкой глубины знаниям, Лакшин все равно остался бы в истории русской культуры. Но теперь невозможно их разделить, тем более что в этом году чтения пришлось на печальный юбилей окончательного разгона «Нового мира» эпохи Твардовского: ровно тридцать лет назад, в таком же хмурым феврале, 16-го, решением секретариата ЦК КПСС была утверждена отставка Твардовского с поста главного редактора. Еще раньше из редколлегии журнала убрали пятерых ведущих сотрудников, в том числе и Лакшина. Последние дни «Нового мира». Последний год в жизни Твардовского. Уже в следующем году его не станет.

Чем был для читателей, для общества «Новый мир»? Игорь Дедков ответил в одной из своих статей, вспомнив давний разговор с приятелем – преподавателем местного педагогического института: «Для меня подписка на «Новый мир» как партийный взнос... Не существующая, но партия...»

Твардовский, вероятно, не согласился бы с таким утверждением, но противники журнала и в ЦК, и в Союзе писателей, и в журналах охранительного направления, чьи оставшиеся вживе коллективы редакторов и авторов сегодня чуть ли не целиком перекочевали в газету «Завтра», именно тем и травили Твардовского и весь «Новый мир», что он в те годы объективно являл собой центр духовной оппозиции – властям.

Каждый номер журнала из-за цензурных препон выходил с большим опозданием, но прочитывался от корки до корки. Проза, мемуары, особенно воспоминания неискушенных авторов, выхваченные редактором из так называемого самотека, особо – раздел литературной критики и даже крохотные рецензии в конце журнальной книжки, – все читалось, все находило отклик!

Давний друг журнала и публикуемый автор Лев Копелев принес в редакцию рукопись безвестного учителя из Рязани Солженицына. О том, чего стоила Твардовскому публикация повести, какая отвага и недоу-

жинные средства убеждения потребовались, известно из опубликованных дневников его заместителей Владимира Лакшина и Алексея Кондратовича.

Некоторое время недруги журнала писали только тайные доносы на новомирцев. Статья В. Лакшина в №1 за 1964 год «Иван Денисович, его друзья и недруги» разбередила муравейник. Ни цеховские «верхи», ни братья-писатели, как иронично говаривал Александр Трифонович, так никогда Солженицына журналу и не простили. «Партию читателей» и ее духовное руководство – «Новый мир» – давили умело, со знанием дела. «У нас терпят ошибающихся, – записывал в дневнике А. Кондратович, – но совершенно не выносят, звереют при виде некающихся, упорствующих».

Цену своему журналу Твардовский знал. В дневнике В. Лакшина приведено замечание самого Александра Трифоновича о «Новом мире»: «Запад не знает такого типа издания – без картинок, толстый журнал, одновременно художественный и публицистический. Во многих странах такого рода изданий просто нет. Этот тип журнала создан особыми условиями и традицией русской литературы XIX века, которая представляла и общественную мысль».

Уходя из журнала тогда, ровно тридцать лет назад, Твардовский и члены его редколлегии, конечно, понимали, что **того** «Нового мира» уже не будет. Но они не могли представить себе, что заканчивается эпоха толстых журналов в России. Развлекательных, с картинками появится сколько угодно, а тиражи толстых будут столь ничтожны, что не то что о массовом, просто о постоянном читателе говорить не приходится.

Сегодня мало кто хочет знать, что нынешняя свобода досталась обществу не бесплатно, не беспощинным наследством, она добывалась по крохам, сантиметр за сантиметром у безграничной и всесильной партийной власти. Не с них, нынешних, все началось, и не ими было сказано первое слово. Боюсь огорчить оптимистов, но от возрожденных особых отделов в армии до 5-го управления КГБ не так уж велика дистанция. И, глядишь, запремся мы на кухнях и станем прилежными читателями спасенных толстых журналов – кто «Нового мира», а кто «Октября».

Тревога была бы ощутимее, если бы не этот полный зал в ЦДРИ, не молодые лица в рядах, не книга Владимира Лакшина «Берега культуры», изданная уже в наши дни усилиями жены и друзей.

Ирина ДЕМЕНТЬЕВА